

Валдай | Международный
Дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ВОЙНА И МИР XXI ВЕКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И БАЛАНС НОВОГО ТИПА

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Авторский коллектив

Доклад подготовлен научной группой Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»:

О.Н. Барабанов

Т.В. Бордачёв

Ф. А. Лукьянов

Д.В. Суслов

А.А. Сушенцов

И.Н. Тимофеев

Ответственный редактор

Ф.А. Лукьянов

директор по научной работе
Фонда развития и поддержки
Международного дискуссионного
клуба «Валдай»

Предварительный вариант текста обсуждался на XII ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи в октябре 2015 года и был доработан по итогам этого обсуждения.

Председатель Совета
Фонда развития и поддержки
Международного дискуссионного
клуба «Валдай»

А.Г. Быстрицкий

Предисловие

Двести лет назад Европа, в ту пору – несомненный центр мира, вступила в новый исторический период. Череда политических, социальных, идеологических бурь, сотрясавших Старый Свет с последней четверти XVIII века, породила войны с участием всех значимых европейских наций. Европейский конгресс в Вене, заседавший много месяцев и прерывавшийся рецидивами военных обстоятельств, был призван заложить новый порядок развития континента. Главы государств и дипломаты стремились к системе взаимоотношений, которая позволяла бы регулировать неизбежные конфликты великих держав без прямого столкновения либо минимизировать ущерб. Перемены, повсеместно назревшие в государственном устройстве, порождали многочисленные угрозы стабильности, в том числе и со стороны появившихся несистемных игроков.

Значимость происходящего выходила за рамки чистой дипломатии. Мир стоял на пороге глубоких изменений в характере обществ, структуре экономики, технологиях. На горизонте уже маячили идеи, которым предстояло сыграть решающую роль в истории XIX и XX веков. Пожалуй, главное – **на авансцену исторической пьесы выходили уже не государи и даже не государства, а народы, осознающие свои интересы и начинающие ощущать себя соавторами сюжета.**

Едва ли кто-то из императоров, канцлеров, министров, собравшихся в Вене, был в силах предвидеть, что станет с миром через пять, десять, тридцать, сто лет. Но они сознавали лежавшую на них ответственность и ощущали поступь времени. А оно предъявляло все более высокие требования к тем, кто претендовал на право определять события.

Великий русский писатель Лев Толстой, которого очень занимали философия истории, механика мировых процессов, в главном своем романе «Война и мир» обратился более полувека спустя именно к этому периоду.

Не разделяя ни взгляда, что историю творят личности, ни фаталистического убеждения в некоей божественной предопределенности, он видит корни исторического

развития в совокупности устремлений миллионов людей. «Для истории существуют линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых движется в пространстве во времени и в зависимости от причин сознание свободы людей в настоящем», – писал Лев Толстой. Диалектика свободы и необходимости, того, что мы в силах изменить, и того, что является объективной неизбежностью – в центре романа и вообще понимания истории Толстым.

Оно очень современно. Ведь спустя 200 лет после наполеоновских войн человечество оказалось на сходном рубеже. Все понимают, что грядут фундаментальные перемены, но никто еще не в состоянии осмыслить их или хотя бы нарисовать контуры будущего. Все хотят мира, но каждый по-своему видит путь к нему. А несистемные игроки сегодня под стать масштабу исторического перелома. Звериный лик явил миру ДАИШ, структуру, претендующую на кардинальный пересмотр всего: границ, политических систем, социальных отношений, ценностных ориентиров.

Исторический процесс объективен, нелинеен и необратим, уверен Толстой, он не может быть остановлен в выгодной кому-то точке (иными словами – никакого «конца истории»). Он слагается из чаяний и страстей миллионов людей, им движет «сила, равная всему движению народов» (сегодня это назвали бы все более многообразным полицентризмом и ростом демократизации международной среды).

Переломное историческое время – всегда неопределенность, риски и возможности. В такие моменты резко возрастает цена ошибки. Многие, даже очень важные, процессы и явления становятся второстепенными, а на первый план выступает главный испокон веку вопрос политики и дипломатии – вопрос о войне и мире. Критически важно понять логику истории и ответственность государственных лидеров в том, чтобы в рамках этой логики направить усилия на выживание человечества, сохранение мира и упрочение основ для всеобщего прогресса.

Цели политики

Целью политики, вопреки иллюзиям XX века, становится не созидание рая, а избежание ада на земле. Военные, политические и экономические кризисы последних лет демонстрируют, что поддержание стабильности дается с трудом даже в таких традиционно спокойных регионах, как Европа и Северная Америка. Очевидна пагубность глобальных экспериментов – военно-политического миссионерства во имя коммунизма, либерализма, халифата или любых других догматически понимаемых идеологий.

Конкуренция крупных держав, провокации со стороны средних и малых стран, трансграничные вызовы остаются источниками глобальных угроз. Они требуют взвешенности и согласования позиций. Однако мировые державы существуют и развиваются в слишком разных условиях. Глобальные коммуникации не только не помогают услышать друг друга, но и, хуже того, едва ли не уничтожают способность правильно понять собеседника. Из этого проистекают риски неверной оценки интересов и взаимных угроз безопасности. Попытка выстраивания отношений не на прагматичной, а на идеологизированной основе раз за разом ведет в тупик эскалации насилия. Результат – внешнеполитические промахи и войны.

Наступил «момент Гоббса». Не только – и даже не столько – увеличение количества конфликтов, войн и приобретение ими все новых форм, но, прежде всего, отсутствие между ведущими игроками взаимопонимания по нормам взаимодействия. Игра без правил продолжается. Мнения ведущих центров силы о том, что позволено, а что нет, каковы базовые нормы международной жизни, что вообще происходит, расходятся порой диаметрально. Борьба с внесистемными угрозами, ослабление традиционных соперников, идеологический задор и продвижение геополитических интересов переплетаются в запутанный клубок противоречий и двойных стандартов, когда попытки добиться одних целей подрывают шансы достичь других.

Между тем, **всех объединяют первоочередные общие интересы: сохранение мира, противодействие нестабильности, провоцируемой, прежде всего, набирающими силу террористическими структурами, и создание условий для устойчивого развития.** Это возможно только в том случае, если между мировыми державами восстановится консенсус о прави-

лах взаимного поведения и применения силы. Альтернативы этому в современных условиях нет. В противном случае глобальная политика сорвется в штопор неконтролируемого процесса.

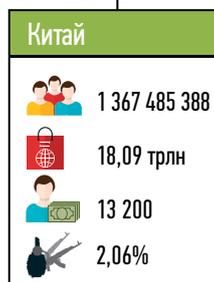
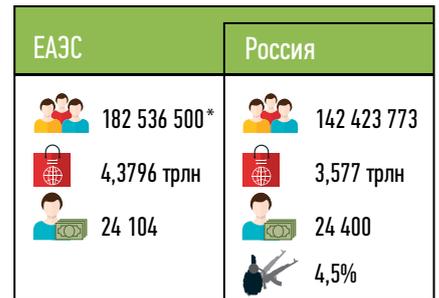
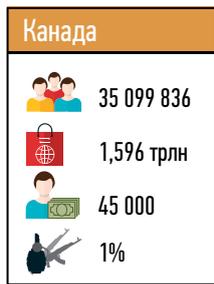
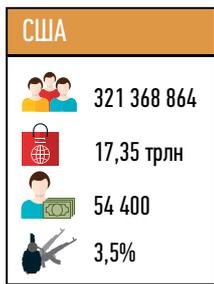
Мир на развилке: станет ли следствием нарастания внутренних проблем в стане лидеров и возвышения незападных центров силы революционный взрыв либо перемены будут медленными и системными? Пока Запад удерживает превосходство. Но две тенденции подтачивают статус-кво: относительный упадок американских союзников от ЕС до Японии, а также сокращение разрыва между ними и странами БРИКС с точки зрения влияния на мировые процессы.

В западном сообществе растет нетерпимость по отношению к действиям крупных государств не-Запада, претендующих на самостоятельность в мировых делах. Происходит это и в тех случаях, когда незападные страны просто пытаются утвердить собственные интересы в непосредственной близости от своих границ, что прежде считалось само собой разумеющимся правом всякой серьезной державы. Так, в сфере безопасности основной источник раздражения находится на периферии поднимающихся держав. Положение дел на постсоветском пространстве и в Южно-Китайском море беспокоит Запад, который обещает неформальные гарантии малым соседям России и Китая. Эти разговоры заставляют Москву и Пекин думать, что Запад нацелен на их сдерживание.

Революционный слом западноцентричного мирового порядка не предопределен – шанс на путь реформ сохраняется. Дело не только во взаимном ядерном сдерживании России и Запада, которое делает войну крайне маловероятной. Страны БРИКС сами долго извлекали выгоды из существующей мировой системы. Однако расширение масштаба применения санкций как политического инструмента заставило многих задуматься о том, что взаимозависимость становится источником давления и уязвимости. А это подрывает основы глобального экономического устройства. Как и инициативы по созданию торгово-экономических мегаблоков, нацеленных на формулирование новых, но уже не универсальных мировых правил.

Разногласия между ядром мировой системы и возвышающимися восходящими державами

МИРОВЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ: К НОВОМУ БАЛАНСУ

Страны, входящие в ЕС, НАТО, ТТП

Страны, входящие в БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС

Численность населения (июль, 2015 г.)
* на 01.01.2015 г.

ВВП (на основе ППС, \$, 2014 г.)

ВВП на душу населения (\$, 2014 г.)

Расходы на оборону (% , 2014 г.)

** на 2012 г.

приобретают и идейный характер. Стороны все дальше расходятся в понимании таких понятий, как «стабильность», «безопасность», «прогресс» или «демократия». Запад опирается на целостную концепцию того, как должен развиваться мир, какие ценности требуют продвижения, однако эффект все чаще получается противоположный. Не-Запад точно знает, чему он противостоит, но не имеет пока единого и комплексного представления о том, как все должно быть устроено. Хотя и стремится его сформулировать. На глобальной арене все чаще заметно расхождение между понятиями «свобода» и «справедливость»: первое служит знаменем западного сообщества, второе является лозунгом незападных поднимающихся государств.

Украинский кризис 2014–2015 гг. впервые за 25 лет вернул на повестку дня проблему военной безопасности в Европе. Россия и Запад столкнулись с перспективой вооруженной конфронтации, ограничившись на первом этапе демонстрацией силы. Риск большой войны в Европе, который, как думали, остался в XX веке, вернулся на повестку дня. Осложнила ситуацию очередная фаза сирийского

конфликта: впервые Россия и США с союзниками проводят масштабные военные операции в одном и том же пространстве. И хотя американским и российским военным, кажется, удалось договориться о минимизации рисков, опасность такого положения вещей наглядно выявил острый российско-турецкий конфликт, разгоревшийся после сбитого Турцией российского военного самолета.

Оказавшись у края пропасти, Россия и Запад задались вопросом: по каким правилам будет развиваться «большая игра» и будут ли вообще действовать какие-либо правила? Пока каждый формулирует ответ в одиночку.

Выход из кризиса надо искать, обратившись к его причине – взаимному недоверию между Россией и Западом. Опыт периода после холодной войны доказывает, что доверие не возникает на основе идейной «безоговорочной капитуляции» – принятия одной стороной взглядов и представлений другой. Изъяны такого подхода заметны даже внутри Европейского союза, где не произошло ментальной унификации, что уж говорить об отношениях с Россией.

Пределы силы

Международные отношения последних лет неизменно ставят вопрос о пределе эффективности военных средств и способности достигать политических целей вооруженными способами. Нередко в основе решений об использовании силы лежал неверный расчет или идеологический аргумент (в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии), никоим образом не соотносящийся с реальными национальными интересами участников.

Война без цели захвата территории – новое явление в международных отношениях. Одним из ее подвидов стала война во имя прав человека – «гуманитарная интервенция» и «ответственность по защите». Революция в военном деле меняет облик войны. Применение высокоточного оружия и беспилотников, использование гибридной тактики, поражение информационной инфраструктуры и объектов в космосе считаются наиболее вероятными сценариями

военного конфликта между великими державами. Разработка норм поведения в этих сферах – насущная необходимость и общий интерес.

Взаимное ядерное сдерживание продолжает работать, хотя в контексте украинского и ближневосточного кризисов впервые за много десятилетий стала вновь обсуждаться тема применения ядерных арсеналов в реальных боевых действиях. Однако главной новацией XXI века становятся невоенные способы подавления путем политической, экономической и технологической изоляции оппонента. Встает вопрос: каков потенциал и последствия политики сдерживания для мирового развития? И разрешают ли санкции имеющиеся проблемы или только откладывают их решение, а то и усугубляют остроту конфликтов? Взаимозависимость, которая, как полагали, должна толкать к компромиссу, оборачивается другой стороной – возможностью, а зачастую и стремлением нанести

партнеру наиболее болезненный ущерб за счет разрыва связей, невзирая на собственные издержки.

Современная международная политика – всеобъемлющая, тотальная. В область принятия решения о применении силы все чаще проникают частные интересы. Общественное давление на правительство, внутривластные потребности, милитаризация гражданского общества

оказывают влияние на внешнюю и военную политику государства. Помимо государств, главным действующим лицом конфликтов становятся негосударственные факторы: террористические и повстанческие сети, фанатики-одиночки. Их возможности несопоставимы с потенциалом государств, но масштаб наносимого урона зачастую оказывается непропорционально большим.

Мир идей

В октябре 2014 г. Международный дискуссионный клуб «Валдай» задавал на своем заседании основной на тот момент вопрос: новые правила или игра без правил? Год спустя можно предположить, что движение к новым правилам началось. По крайней мере, общую рамку для них способны составить принципы баланса, устройства мира, который мог бы опираться на две мощные опоры. Речь, конечно, не идет о воспроизводстве биполярности по типу холодной войны, стоит говорить о двух группах держав, имеющих разные векторы развития.

Выдвижение долгосрочной парадигмы сопряжения российских и китайских интересов в континентальной Евразии вызвало демонстративное неприятие со стороны Запада. Символично это проявилось в отказе всех западных лидеров присутствовать на военном параде в честь 70-летия окончания Второй мировой войны не только в Москве, что можно было объяснить украинским конфликтом, но и в Пекине, не имеющем к нему никакого отношения.

Тенденция к новому размежеванию – отнюдь не только следствие украинского кризиса и конфликта России с Западом, хотя они стали катализатором. Обострение недовольства западным мейнстримом и определяемым им миропорядком постепенно нарастало с начала века, а после кризиса 2008–2009 гг. вышло на новый уровень. Оформление и постепенная консолидация БРИКС, с одной стороны, резкий электоральный взлет радикальных протестных партий либо отдельных экстравагантных политиков в Европе и США – с другой, показали возросшую степень неустойчивости мейнстрима. Можно говорить

о следующей фазе: глобальной политической легализации альтернативных моделей развития. Как внутри Запада, так и вне его. Повсеместным явлением становится отчуждение широких масс населения от своих политических элит, экстремальным проявлением этого становится шокирующая популярность радикальных античеловеческих идей ДАИШ в определенных кругах не только Ближнего Востока, но также Европы и Евразии.

Рост значимости альтернативных проектов ведет к возрождению роли идеологий и идеологической борьбы. На протяжении четверти века после холодной войны с идеологическим посланием выступали только страны Запада, а остальные либо воспринимали его, либо замыкались в защитной комбинации охранительства и Realpolitik. Но теперь налицо попытка формулирования идейного ответа. Тем более что новый тип противостояния в меньшей степени разыгрывается в традиционно военной, а во все большей – в мировоззренческой и коммуникационной сфере. Не исключено, что ближайшее десятилетие принесет идеологический ренессанс.

Стремление Запада заменить идеологии в их привычном понимании нормативными «общими» ценностями стимулирует запрос на альтернативы. Попросту растет усталость от навязываемой модели, которая представляется в качестве универсальной. Тем более что под вопросом ее эффективность. Неспособность экономик даже развитых стран позволить себе тот уровень социальных гарантий и перераспределения, который считался само собой разумеющимся

ЦЕНА ВОЙНЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ

387 млрд долларов

Первая мировая война стоила человечеству

4 трлн долларов

Стоила Вторая мировая война

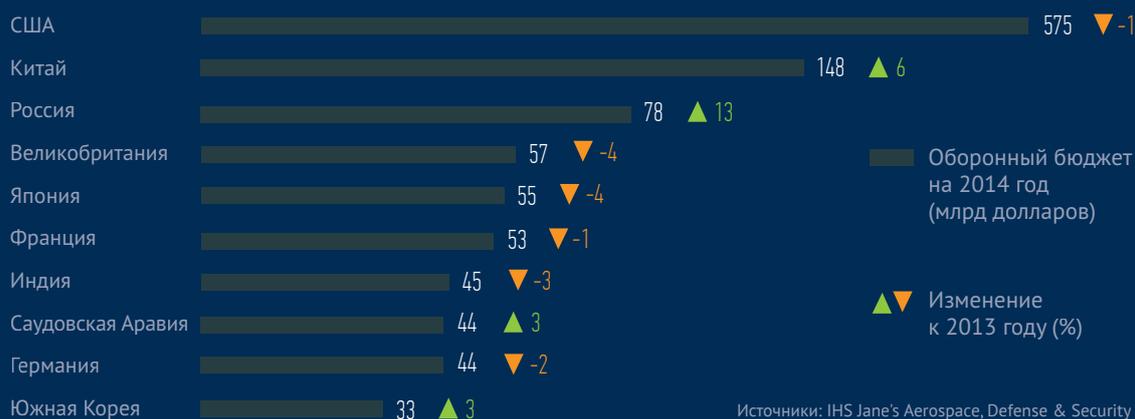
≈ **30** трлн долларов

Стоила холодная война

< **14** млрд долларов

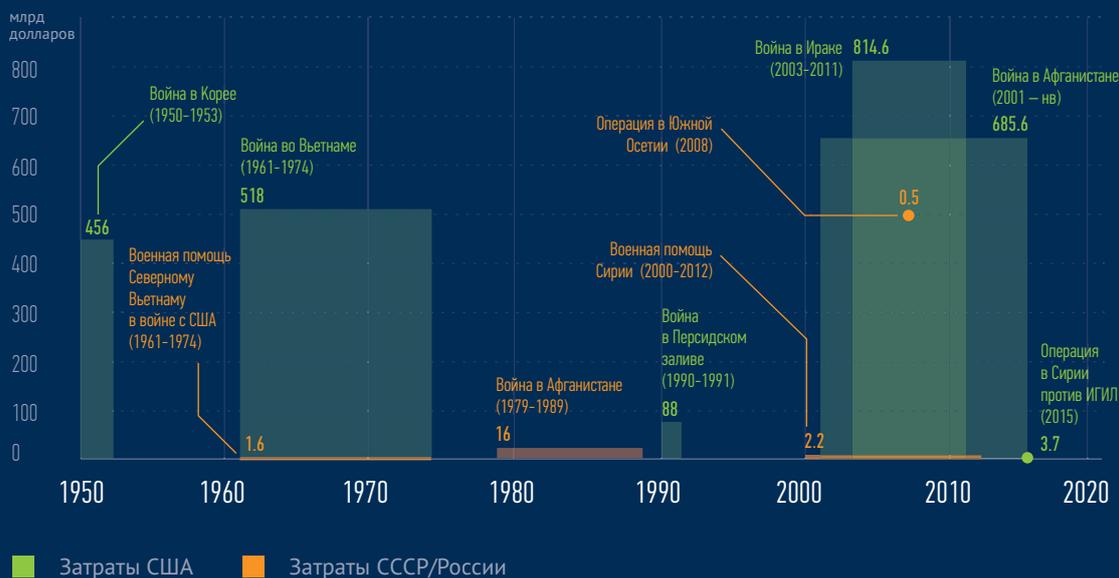
Цена всех глобальных конфликтов в 2014 году

ОБОРОННЫЕ БЮДЖЕТЫ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН В 2014 ГОДУ

Источники: IHS Jane's Aerospace, Defense & Security

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В XX и XXI ВВ.

еще несколько лет назад, разжигает недовольство и актуализирует ушедшую было в Европе в тень тему социальной справедливости. На фоне притока мигрантов вопрос нередко приобретает еще и ксенофобский оттенок.

С другой стороны, постепенное оформление БРИКС шаг за шагом создает иную ситуацию. Политический курс, намечающийся в рамках этого объединения, начинает восприниматься не только как продолжение и развитие идеологии девелопментализма, но и как заявка на полноценный глобальный проект. Правда, идейная консолидация не-Запада никогда не достигнет западного уровня. Атлантическое сообщество – уникальный пример ценностной унификации. Незападные же державы в один голос подчеркивают важность многообразия, настаивают на том, что никакого единого набора признаков «современного государства и общества», общего знаменателя быть не может. Второй вариант больше соответствует условиям многополярного мира.

Если идеологическое противостояние пока только наметилось, то острые культурные,

а все чаще и религиозные противоречия уже налицо. Ситуация значительно осложнилась в 2014–2015 гг. с появлением принципиально иного фактора мировой политики – ДАИШ. Так называемое Исламское государство бросает вызов сложившейся цивилизации как таковой, в принципе отрицая и моральные, и политические нормы. Хотя глобальный характер угрозы, исходящей от ДАИШ, признается всеми, рецепты, представления о стратегии борьбы с ней не совпадают.

Барак Обама открыто уравнивал угрозу, исходящую от России и ДАИШ. При такой базовой установке, пусть даже тактически она временами «приглушается» для решения конкретных текущих задач, фактор исламского радикализма и терроризма не только не позволит вернуть предыдущие «квазиконсенсусные» правила игры, но будет лишь усугублять раскол центров силы. И трагические события, наподобие ноябрьских терактов в Париже (а, к несчастью, нет сомнений, что они будут повторяться в разных частях мира), создают стимулы к взаимодействию, однако лишь на короткое время либо для решения одной конкретной задачи.

Иная глобализация

В международной системе, все более фрагментированной и плюралистичной, универсальный международный порядок, однородный в части ценностей и моделей развития, невозможен. Однако **в условиях глобальной взаимозависимости и проницаемости «война без правил» и «война всех против всех» – путь к катастрофе.** Ее первые симптомы налицо: продолжение лихорадки мировой экономики (включая энергетику и финансы), миграционный кризис в ЕС, распространение ДАИШ и низкая эффективность усилий мирового сообщества для противодействия этому, изменение климата и т.д.

Мировой порядок, как и современное государство, отличается разбалансировка между двумя важнейшими принципами – справедливостью и эффективностью. Желаемое многими гармоничное сочетание этих двух принципов на

основе международных институтов не работает в силу несоответствия институтов быстро меняющейся реальности. Эффективность за счет жесткой иерархии не удалась. А простой баланс сил, как в прежние времена, не складывается из-за сложности и нелинейности мировых процессов и обилия игроков.

Постепенный перенос экономического сотрудничества и интеграции на уровень регионов не отменяет глобализацию. Залогом успеха большинства сообществ является их включенность в глобальную экономику. Глобальные и региональные институты и режимы призваны не ослаблять, а дополнять друг друга. Формирование баланса потребует выработки правил взаимодействия, которые позволят группам стран эффективно управлять глобальной взаимозависимостью, координировать

работу по противодействию транснациональным вызовам и угрозам.

Глобализация сочетается с качественной интенсификацией отношений, в том числе интеграционных, на региональном, двустороннем и «министороннем» (то есть с относительно небольшим числом участников) уровне. Обострение конкуренции, перераспределение сил в мире и общая уязвимость перед внешней средой толкают ключевых игроков к тому, чтобы перенести усилия именно на двусторонний и региональный уровни, стремиться к формированию благоприятного непосредственного окружения – ведь на глобальном уровне этого не получается. Складываются региональные сообщества, содей-

ствующие развитию и безопасности входящих в них стран, и прежде всего их лидеров.

Региональные экономические группировки вплетаются в более масштабные трансконтинентальные или трансокеанские. Причина – «узких» региональных образований не хватает для поддержания конкурентоспособности в условиях обостряющейся глобальной конкуренции. **Новые «большие» сообщества не носят интеграционного характера, но предполагают более интенсивные режимы и общие правила торгово-экономического взаимодействия.** Интеграционные объединения не растворяются в этих сообществах, а «вплетаются» в них путем сопряжения моделей и интересов.

К новому балансу

Нарастание хаоса и неуправляемости в международных отношениях не может продолжаться бесконечно. Как сказано выше, скорее всего, мы наблюдаем начало формирования новой структуры мира, основанной на фактическом, хотя и не зафиксированном, балансе двух больших групп государств. Эти две группы не обречены на конфронтацию. Они сохраняют между собой тесные экономические и человеческие отношения, будут пытаться сообща отвечать на проблемы и вызовы развития, иногда даже вместе бороться с угрозами, прежде всего, антисистемного характера. Все это не исключает того, что они будут находиться в состоянии перманентной конкуренции.

Конкуренция естественна в силу непреодолимых культурных и ценностных различий, а также объективных противоречий между целями развития. И нынешняя фаза отношений России и Запада может оказаться шагом на пути к их нормализации в соответствии с конкурентной природой интересов сторон, отказу от имитации (возможно, зачастую искренней, неосознанной) не сложившегося «стратегического партнерства».

Географически эти две группы будут включать в себя США, Евросоюз и их союзников, с одной стороны, и Китай, Россию и ряд тяготе-

ющих к ним стран – с другой. Экономическую основу составят два океанских партнерства – атлантическое и тихоокеанское – и «сопряжение» интеграционных и торгово-инвестиционных проектов в Большой Евразии. Движение к относительной консолидации сообществ началось.

При этом если в «западной» группе стран внутренняя структура уже устоялась и едва ли принципиально изменится, то в «восточноевразийском» объединении России и Китаю еще предстоит интенсивно работать над ее формированием. В первую очередь, через придание системного характера взаимодействию в Шанхайской организации сотрудничества.

Не стоит ожидать, что будущая модель мироустройства будет легитимирована решениями конгресса или международного института. 200 лет назад все было в какой-то степени проще: война служила универсальным мериллом международной иерархии, а дипломатия – способом ее оформления. Конгрессы возможны, когда ясна расстановка сил и ролей участников, понятны победители (мудрые, как в 1815 г., или недальновидные, как в 1919 или 1991 гг.) и побежденные. **Сейчас новый порядок не возводится на послевоенных руинах прежнего, а постепенно**

«прорастает» из диалектического хаоса соперничества и взаимозависимости.

В основе грядущего устройства не может лежать соотношение победителей и проигравших. Победители холодной войны не сядут за стол переговоров с теми, кого ее итоги не устраивают. Запад никогда не признает равенства остальных – как морально-идеологического, так и политического, будет препятствовать институционализации новой структуры международной системы. Слишком сладким было ощущение конца XX столетия – не только собственной непререкаемой силы, но и полной моральной и политической правоты. Но вернуться в славные для Запада 1990-е гг. невозможно. Вызовом международной безопасности будут отношения внутри и вокруг «серой зоны», включающей в себя большинство стран Латинской Америки, Африки, Южную и Юго-Восточную Азию, возможно, Восточную Европу.

Новый глобальный баланс не будет иметь черт, присущих системе периода холодной войны. Та была настолько уникальна для человеческой истории, что вряд ли может быть воспроизведена даже в минимальном приближении. Главной особенностью было не идеологическое противостояние двух лагерей, а отсутствие взаимосвязанности и взаимозависимости, физический раскол мира. Никогда ранее цивилизация такого не переживала, не стоит ждать этого и впредь.

В рамках формирующегося баланса человечество, скорее всего, сохранит возможность свободного движения людей, товаров и капиталов. Более того, если усилия по созданию новых международных финансовых институтов и интеграционных объединений окажутся успешными, глобальная управляемость только выиграет. У правительств и частных компаний появится выбор, что стимулирует конкуренцию институтов управления и сделает их более живучими. В определенном смысле будущая система станет антиподом и той, что была в холодную войну, и той, что так и не состоялась после ее окончания. Ей будет присуща максимальная гибкость и вариативность как реакция на невозможность что-либо жестко зафиксировать.

Обе группировки продолжают периодически вступать в «гибридную» борьбу большей

или меньшей степени интенсивности. Глобальная «большая игра» развернется как на географических пространствах «серой зоны», так и в информационной, технологической и других глобализированных областях человеческой деятельности. Однако хакерские атаки, которыми уже сейчас обмениваются ведущие мировые державы, информационные кампании и дипломатические интриги не приведут к разрыву экономических и человеческих связей. Как, впрочем, и вероятный трансфер территорий, который может стать неизбежным в свете многочисленных территориальных споров и размывания прочной международно-правовой базы. В ряде случаев де-факто трансфер или отпадение территорий будет компенсироваться сохранением экономической открытости.

Санкции и контрсанкции, открытые и неявные, станут обычной практикой. **В условиях фактического отказа от универсальных правил мировой торговли (ВТО превращается во все более церемониальный орган) взаимные ограничения – норма взаимоотношений крупных экономических и инвестиционных блоков.** Глобальное ядерное сдерживание продолжит ограничивать масштабы конфликтов, не допуская их перерастания в военные столкновения. Важнейшим вопросом деятельности международных консультативных структур – таких, как Совет Безопасности ООН, – станет дипломатическая работа по контролю масштабов эскалации неизбежных конфликтов. Неформальные площадки, такие, как «Большая двадцатка», могут рассматриваться в качестве аналога Совета Безопасности в экономике. А поскольку легитимность СБ ООН, скорее всего, будет ставиться под сомнение из-за его ограниченной представительности, повестка дня G20 фактически может распространиться и на политические вопросы. Тем более что отделить экономику от политики становится вовсе невозможно, а в случае коллизии между политическими мотивами и экономической целесообразностью первые все чаще берут верх над второй.

По всей видимости, **отношения внутри каждой группы будут куда менее иерархическими, нежели мы можем предположить, основываясь на опыте холодной войны.** Выработка решений и политики возможна только в ходе согласования интересов, а не диктата.

САНКЦИИ

Типы санкций:

Финансовые санкции

Торговые санкции

Замораживание имущества страны
(применяется в ситуации войны или серьезного международного конфликта)

Запрет на въезд в страну
для отдельных граждан

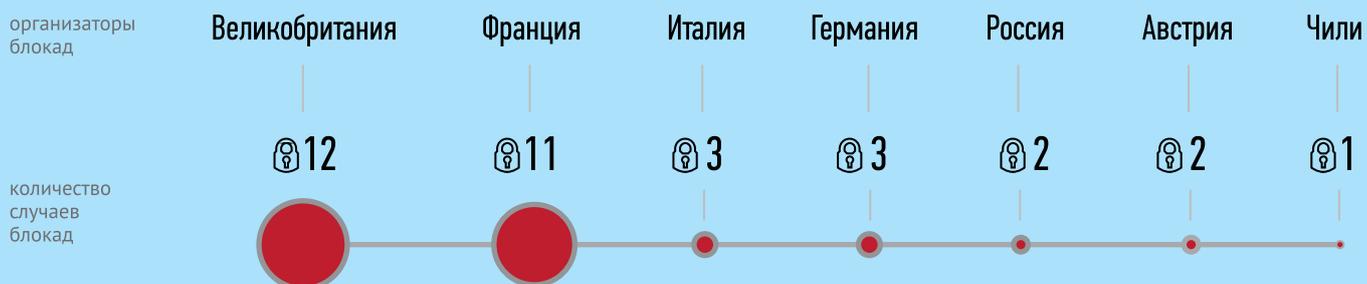
Замораживание имущества
отдельных граждан

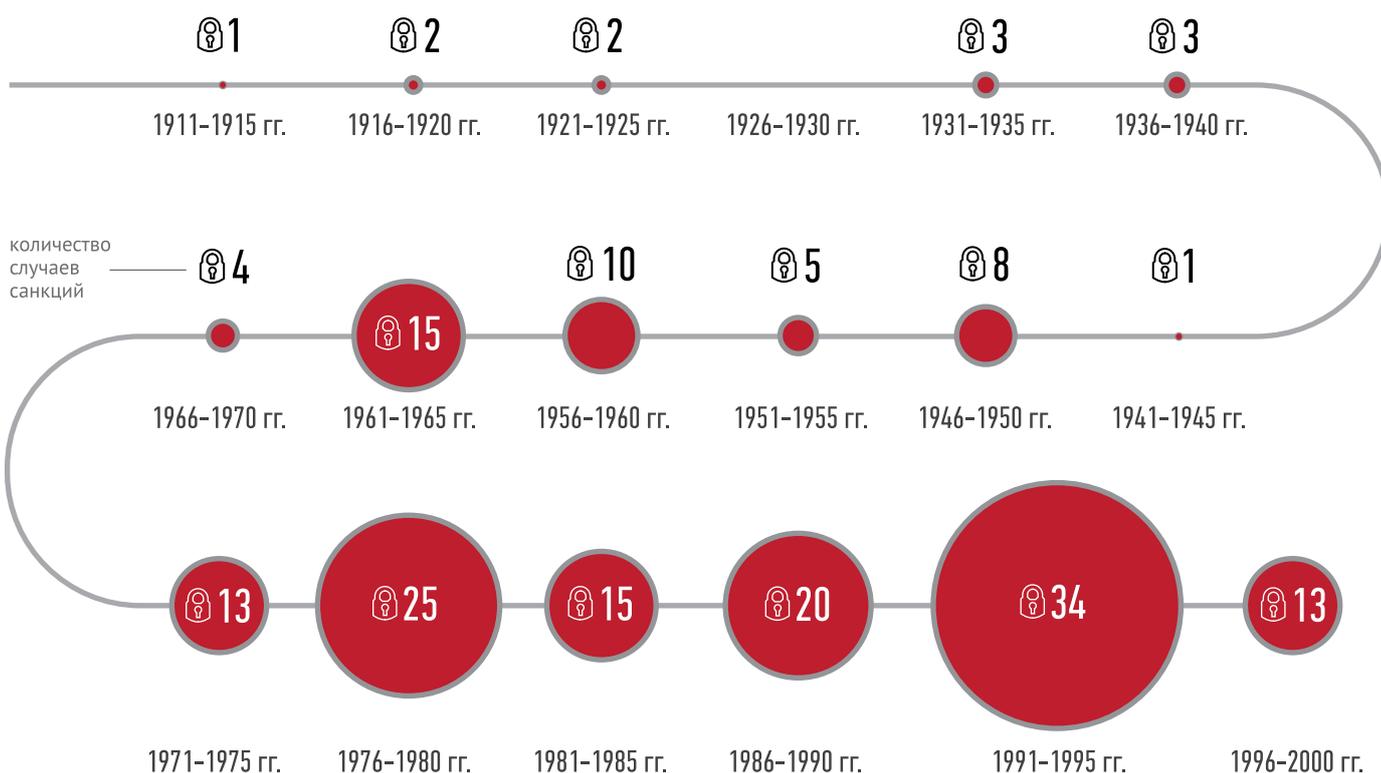
Искусственная регуляция цен на сырьевых
рынках, процентных ставок на финансовых
рынках, валютных курсов на денежных рынках

Динамика экономических санкций в XIX веке

Широкое распространение – морские блокады. С 1827 (первая известная морская блокада) по 1914 год была зафиксирована **21 блокада** против Турции, Португалии, Нидерландов, Колумбии, Панамы, Мексики, Аргентины и Сальвадора

Санкции XX века

Действующие на сегодня международные санкции

Торговые санкции

Ограничение в технологической сфере

Ограничение в энергетической сфере

Финансовые санкции

Запрет на поставку радиоактивных материалов

Запрет на поставку оружия

Запрет на въезд в страну отдельных граждан

Замораживание имущества отдельных граждан

Запрет на въезд в страну отдельных граждан

Запрет на экспорт сырьевой продукции

Санкции против оборонных компаний

Запрет на импорт товаров

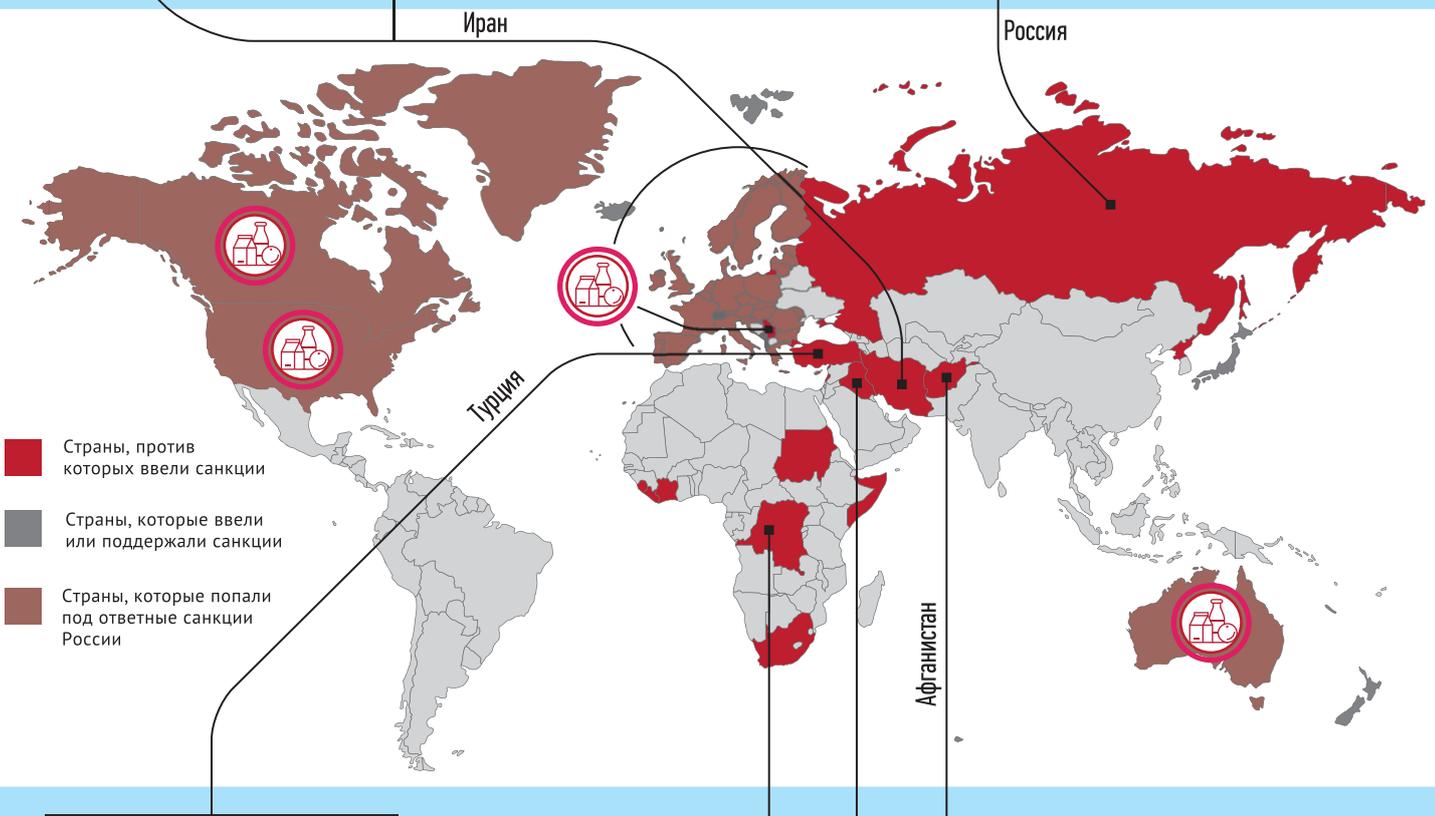

Запрет на собственность

Приостановка работы сервисов (Viza, MasterCard)

Другие страны, которые ввели санкции против России: Австралия, Албания, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Молдавия, Новая Зеландия, Норвегия, Черногория, Швейцария, Япония

- Страны, против которых ввели санкции
- Страны, которые ввели или поддержали санкции
- Страны, которые попали под ответные санкции России

Запрет на экспорт продуктов

Приостановка безвизового режима

Приостановка проекта «Южный поток»

Отказ в трудоустройстве гражданам Турции

Запрет на деятельность турецких компаний на территории РФ

Запрет на поставку оружия

Запрет на поставку радиоактивных материалов

Запрет на въезд в страну отдельных граждан

Финансовые санкции

Инициатор санкций – Евросоюз

Инициатор санкций – ООН

Инициатор санкций – Россия

Инициатор санкций – США

Также до сегодняшнего дня действуют санкции ООН против таких стран как КНДР, Кот-д'Ивуар, Либерия, Ливан, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, ЮАР

Для этого есть объективные предпосылки. При всем своем экономическом и военном могуществе США не заинтересованы в примитивном принуждении. Как показывает сравнение событий 2003 и 2014–2015 гг., легче и эффективнее воплощать в жизнь компромиссную, а не «продавленную» линию. Еще более естественным является поиск взаимовыгодного компромисса в связке Москва–Пекин–их союзники, где экономическое могущество КНР гармонично сопрягается с военной мощью России.

Другой важнейшей особенностью обеих групп является то, что ни одно из противоречий внутри них не является объективным, глубоким или антагонистическим. Не проистекает из нужд развития отдельных государств.

Цели национального развития России не требуют конфликта с Китаем за Центральную Азию и наоборот. Обе великие державы ищут в общем соседстве разные ресурсы и возможности: рабочую силу в одном случае и пространство для инвестиционной экспансии – в другом. При этом и Россия, и КНР жизненно заинтересованы в региональной безопасности и стабильности политических режимов. И чем больше Китай вложит в зону «Шелкового пути», тем острее будет стоять вопрос о безопасности, а единственным поставщиком «услуг» такого рода, например, в Центральной Азии, может быть только Россия.

Европа является для Соединенных Штатов не конкурентом, а наиболее близким в ценностном отношении и экономически важным союзником. И США, и ЕС заинтересованы в сдерживании других центров силы и сохранении за собой монопольных возможностей в Африке, Латинской Америке и, отчасти, Азии.

Сводить искомое равновесие к дихотомии Запад–не-Запад, вероятно, упрощение, поскольку культурно-идеологическое размежевание, скорее всего, будет подвижным, как и вся международная система. Речь идет скорее о стремлении обобщенного Запада сохранить и упрочить свое лидирующее положение в международной системе, которое будет стимулировать желание остальных выйти на аналогичный уровень.

Подчеркнем, мы – в самом начале формирования такой системы. Процесс ее становления займет долгое время. Вероятны срывы и скатывание в периоды жесткой конфронтации. Как и,

напротив, периоды временного сближения для противостояния угрозам, наподобие ДАИШ. Но **международно-политические обострения постепенно станут обыденностью, перестанут восприниматься как начало «конца света».** Так было с войнами на всем протяжении истории до 1945 г. В более долгосрочной перспективе новый баланс создаст условия для более прочного глобального единства на основе признанной невозможности доминирования одной из группировок, а также по причине нарастания антисистемных угроз со стороны сил, нацеленных на разрушение любых норм и правил (прообразом опять-таки служит ДАИШ). Поэтому описанная выше картина представляется нам сейчас наиболее вероятной, естественной, а значит желаемой. И именно она будет означать «путь мира», пусть и несовершенного, но достаточно устойчивого и избегающего крайностей.

* * *

Лев Толстой считал, что мировая история – «история всех, без одного исключения, людей, принимающих участие в событиях». Это тем более справедливо сегодня. Прозрачность границ, доступность технологий, повсеместное распространение демократии как формы общественного устройства, наконец, тотальное господство коммуникаций позволяют практически каждому воздействовать на исторический процесс. Поэтому тот становится все менее предсказуемым, но это не основание положить на волю рока – слишком велика ставка.

«Для истории не существует, как для богословия, этики и философии, неразрешимой тайны о соединении двух противоречий свободы и необходимости. История рассматривает представление о жизни человека, в котором соединение этих двух противоречий уже совершилось», – уверен Толстой. И это убеждение очень актуально сейчас, когда раз за разом проваливаются попытки загнать происходящее в те или иные догматические рамки. Роль лидеров, государств, сообществ – понять пределы возможного и границы недопустимого, чтобы в этих рамках сформулировать наименее рискованную систему взаимоотношений.

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

ISBN 978-5-906757-16-6

9 785906 757166

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РСМД

Российский совет по международным делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ